

К ПЕРЕПИСКЕ ДОСТОЕВСКОГО С А. Н. МАЙКОВЫМ

(уточнение к комментарию; неизвестные автографы стихотворений А. Н. Майкова)

В письме Достоевского к А. Н. Майкову от 11 (23) декабря 1868 г. содержится довольно развернутый и выразительный отзыв о только что прочитанном им стихотворении Майкова. В комментариях к этому письму, опубликованному в XXVIII, томе академического Полного собрания сочинений Достоевского (см. письмо 357, примеч. 34), поясняется, что «речь идет о стихотворении Майкова „Дорог мне, перед иконой. . .“, которое, по всей вероятности, было послано Достоевскому в письме. . .», а позднее напечатано в «Заре», и приводится 6 строк из заключительной части стихотворения (28₂, 490). Сохранившийся А. Г. Достоевской автограф с подписью на обложке ее рукой «Стихотворение А. Н. Майкова „У часовни“. Подарено [А. Г. Достоевской] Ф. М. Достоевскому» позволяет не только внести исправления в это примечание, но и восполнить представления о творческой истории стихотворения Майкова и роли в ней отклика Достоевского.

Стихотворение действительно было переслано Майковым Достоевскому во Флоренцию в письме от 22 ноября (в примеч. ошибочно «декабря») 1868 г., которое завершалось словами: «Мне хотелось бы поговорить с вами, да ускользает из-под пера. И об „Идиоте“, и о своих трудах. Прилагаю, впрочем, стихотворение, которое будет в „Заре“. . .».¹ Текст приложенного поэтом стихотворения значительно отличается от напечатанного в журнале «Заря». Приводим его первоначальный вариант, с которым и познакомился Достоевский:

У часовни

Вечно поля противоречий, Ты глядишь с тупой враждой На пылающие свечи Пред иконою святой. . .	Это — медный грош вдовицы, Это — лепта бедняка. . . Это. . . может быть. . . убийцы Покаянная тоска. . .
Жалок ты, мудрец холодный, Коль не чувствуешь сердцем ты В этой жертве вынородпой Сокровенной красоты. . .	Это — светлое мгновенье В диком мраке и глуши, Память слез и умиления В вечность глянувшей души! ²

Именно по поводу этого текста Достоевский писал Майкову 11 (23) декабря 1868 г.: «Ваше: „У часовни“ — бесподобно. И откуда Вы слов таких достали! Это одно из лучших стихотворений Ваших, — всё прелестно, но *одним* только я не доволен: *тоном*. Вы как будто *извиняете* икону, *оправдываете*; пусть, дескать, это изумство, но ведь это слезы убийцы и т. д. Знайте, что мне даже зна-

¹ Ашимбаева Н. Т. А. Н. Майков. Письма к Ф. М. Достоевскому // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1982. Л., 1984. С. 75—76.

² ГБЛ, ф. 93, П. 6. 41.

менитые слова Хомякова о чудотворной иконе, которые приводили меня прежде в восторг, — теперь мне не правятся, слабы кажутся. Одно слово: „Верите Вы иконе или нет!“ Может быть, Вы поймете то, что мне хочется сказать; это трудно вполне высказать» (28₂, 333).

Майков творчески отреагировал на замечание Достоевского. Он оставил в неприкосновенности как раз цитируемую в комментарии вторую половину стихотворения, поняв, что недовольство Достоевского вызвано «тоном», который задают начальные строки, несущие в себе элемент поучения, назидательности и не гармонирующие с последующими строками, «бесподобными», по оценке его корреспондента, но звучащими в таком сочетании как оправдание. Стихотворение появилось в № 1 «Заря» за 1869 г. без названия и измененном виде.

Дорог мне, перед иконой В светлой ризе золотой. Этот яркий воск, возжженный Чьей неведомо рукой. . .	Этих свеч знаменованье Чую трепетной душой; Это — медный грош вдовицы, Это — лепта бедняка, Это. . . может быть. . . убийцы Покаянная тоска. . .
Знаю я, свеча пылает, Клир торжественно поет; Чье-то горе утпхаел, Кто-то слезы тихо льет: Светлый ангел упонанья Пролетает над толпой. . .	Это — светлое мгновенье В диком мраке и глуши, Память слез и умиления В вечность глянувшей души. ³

Неизвестный ранее исходный вариант стихотворения делает еще более убедительным предположение А. С. Долинина, который, комментируя упомянутое выше письмо Достоевского, отметил, что в памяти писателя имя А. С. Хомякова, скорее всего, соединилось со «словами < . . . > о чудотворной иконе» И. В. Киреевского, приведенными Герценом в XXX главе 4-й части «Былого и дум».⁴ Параллель между развитием поэтической мысли Майкова в раннем автографе из архива Достоевского и построением воспроизведенного в «Былом и думах» рассказа о пережитом «в часовне» Киреевским выступает еще более явственно.

В дополнение к этой заметке присоединяем два не опубликованных до сих пор стихотворения А. Н. Майкова, сохранившихся в архиве А. У. Порецкого, соредатора Достоевского по «Эпохе», его близкого знакомого и корреспондента. Одно из них шуточное и связано с помощью (неоднократной), которую А. У. Порецкий оказывал в устройстве пасынка Достоевского П. А. Исаева на работу и в продвижении его по службе. Так, например, в том же письме от 22 ноября 1868 г. Майков сообщал: «Пашу определили в канцелярию к Порецкому. Он хочет держать экзамен на чин»⁵ (имеется в виду Канцелярия министра государственных имуществ, где в это время Порецкий был начальником инспекторского отдела). Благо-

³ См.: Майков А. Н. Избр. произведения. Л., 1977. С. 171—172. (Б-ка поэта. Большая сер.).

⁴ См.: Достоевский Ф. М. Письма: В 4 т. М.; Л., 1930. Т. 2. С. 439—441.

⁵ Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1982. Л., 1984. С. 75.

даря Майкова за то, что «пристроили Пашу», Достоевский восклицал: «Уж если у Порецкого не уживется, — то чего же ему надобно?» (28₂, 330). Через год Майков отправил А. У. Порецкому следующее послание:

Любимый Александр Устинович! Опять
К Вам этот юноша является как к
Богу, —
Нельзя ли помощи или руку или ногу
Вам с Вашей высоты теперь ему подать.
Как Богородица или как все Святые,
Через воих к Господу мы открываем путь, —
Я поспеваю пристегнуть
К его мольбам мои мольбы худые.
Чрез то прославитесь Вы громко между нас —
Как Ваш великий тезка Невский.
Мы все, все выше звезд восхвалим
Вас,
Особенно же Федор Достоевский —
Известный романист, приятель общий нам.
Примите же, и прочее. Весь Ваш

А. Майков
1869
23 окт. ября⁶

По-видимому, Порецкий не остался безучастным и на этот раз, и П. А. Исаев получил повышение в должности или прибавку жалования, так как позднее, когда обсуждалась возможность перевода Исаева от Порецкого в Государственный банк к П. И. Ламапскому, Достоевский писал Порецкому 8 (20) января 1871 г.: «Я знаю, что Вы во многом ему помогли, и бог вознаградит Вас за это» (29₁, 171).

Второе стихотворение Майкова обращено к приятелям из общего дружеского круга с Достоевским и принадлежит к циклу лирических раздумий поэта.

С. Д. Яновскому и А. У. Порецкому

О, грустно думать, что напрасно
Господень дар приспослаб мне,⁷
Что должен гибнуть я беззасно
И в темноте и в тишине:
Что мысль, которою страдает,
Пока ее не скажем, ум,
Невозвратно погибает
В числе пустых и пошлых дум.

А. Майков.⁸

⁶ ИРЛИ, ф. 407, № 3.

⁷ Частичный парафраз из «Евгения Онегина» Пушкина, где:

Но грустно думать, что напрасно
Была нам молодость дана.

(Гл. восьмая, ст. XI)

⁸ ИРЛИ, ф. 407, № 3.

В. И. КАЛАТУЗОВ — КОРРЕСПОНДЕНТ ДОСТОЕВСКОГО

Обнаружен архив В. В. Лаврского, известного своим влиянием на юного Н. А. Добролюбова. Это четыре тома переписки за 1849—1883 гг., пагинированные самим В. В. Лаврским.

До этой находки известия о Василии Ивановиче Калатузове были сухи, скудны и кое в чем неверны. Калатузов — автор двух статей в журнале «Эпоха», вызвавших возражения цензуры,¹ — «Монтаны» (1864, № 8) и «Очерк быта и верований скопцов» (1865, № 1). Он писал Достоевскому (27, 96), тот, падо полагать, ответил (27, 97), но письма не сохранились (27, 364, 366).

Судя по тому, что в конце сентября 1860 г. Калатузову было «только 27 лет»,² годом рождения с большой долей уверенности можно считать 1833-м. Возраст его постоянно подтверждается А. И. Дубровиной, невестой Калатузова (I, 90), таким образом, 1831 г., указанный В. С. Нецаевой как год его рождения,³ дан ошибочно, видимо, ее ввели в заблуждение сведения «Всемирной иллюстрации».⁴

Калатузов родом «из Кавказа» (I, 272), «полугрузин» (I, 191), окончил ставропольскую семинарию, в 1854—1858 гг. учился в Казанской духовной академии, а по ее окончании стал преподавать в самарской семинарии Священное Писание,⁵ совмещая это с работой секретарем в 1858/59 учебном году, а в 1859/60 — экономом (I, 184). В 1860 г. он пытался перевестись в ставропольскую семинарию «на математику и физику» (I, 628), но случилось так, что «Сипод отказал ему в просьбе перевести его теперь на Кавказ» (II, 81), а «в Самару на его место назначили уже из академии студента» (II, 140), и Калатузов остался «без места» (II, 197). «Что такое была жизнь его в Самаре, если бы она продолжалась! — пишет В. В. Лаврский, — он тратил, без счастья и без радости тратил свои самые лучшие годы! <...> Годы «семинарской» службы были бы только годами потери для него; он должен был только откладывать еще на будущее время жизнь. А выйти на гр «ажданскую» службу ему всего удобнее на Кавказе...» (I, 617). На Кавказе жила его се-

¹ См.: Нецаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864—1865. М., 1975. С. 114.

² Архив В. В. Лаврского. Т. 2. С. 175. Собрание Н. В. Серебряникова (Томск). В дальнейшем ссылки в тексте с указанием тома и страницы соответственно римской и арабской цифрами.

³ См.: Нецаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». С. 273. «... 62 лет». — Всемирная иллюстрация. 1893. 27 нояб. Т. 50. № 1297. С. 405. Информация о том, что «он воспитывался в Казанской духовной академии вместе с А. П. Щаповым» (там же), также не вполне точна: А. П. Щапов учился на предыдущем курсе и окончил академию в 1856-м, на два года раньше. См.: Знаменский П. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842—1870 годы). Казань, 1892. Вып. 3. С. 387. Кажущееся несоответствие в сроках оттого, что Московская духовная академия принимала студентов по почетным годам, а Казанская — по чинам.

⁵ См.: Знаменский П. История Казанской духовной академии... С. 399. П. В. Знаменский и Калатузов были знакомы: Архив В. В. Лаврского. Т. 2. С. 81.